

Евгений Андреевич Соловьев

Генри Томас Бокль. Его жизнь и научная деятельность

Евгений Андреевич Соловьев
Генри Томас Бокль. Его жизнь
и научная деятельность
Серия «Жизнь замечательных
людей (ЖЗЛ от Павленкова)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175471

Аннотация

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Вместо предисловия	6
Глава I. Детство, отрочество и юность Бокля	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Е. А. Соловьев
Генри Томас Бокль.
Его жизнь и научная
деятельность

*Биографический очерк Е. А. Соловьева
С портретом Г. Т. Бокля, гравированным в
Лейпциге Геданом*

Вместо предисловия

Бокль жил в эпоху, богатую могучими дарованиями. В те годы, когда создавалась «История цивилизации в Англии», в области естествознания работали Дарвин, Лайель, Гексли; в области философии – Милль, Бэн, Спенсер; истории – Маколей, Карлейль. Он был современником Конта и Гельмгольца, и все же, как ни велики люди, окружавшие его, его имя смело можно поставить рядом с их именами, его труд найдет себе место возле «Положительной философии», «Основных начал», «Логики». И виновато в этом не только достоинство «Истории цивилизации», но и сам дух, которым проникнуто сочинение.

Лишь на первый взгляд «Геология» Лайеля, «Происхождение видов» Дарвина и книга Бокля не имеют между собой ничего общего. Здесь рассказывается об образовании земной коры, там – о переходе одной разновидности животного мира в другую, Бокль стремится формулировать законы истории. Но различие предметов так же скоро бросается в глаза, как и единство духа, настроения, мысли, создавших и новую эру в изучении природы, и новую эру в изучении человека и его истории.

Из всех европейских стран, не исключая России, Англия наиболее энергично пережила тот период, который может быть назван периодом торжествующего естествознания. Не

особенно продолжительный (20–25 лет), он оказался, однако, наиболее плодотворным в умственной жизни XIX столетия. Естествознание, его приемы, методы, его воззрения на природу и человека вторглись во все области знания, пересоздали философию и психологию, учения о нравственности и об общественном строе. Бокль, Милль, Спенсер смело могут быть названы «естествоиспытателями» человека и его духовной жизни.

Разумеется, эпоха торжествующего естествознания наступила не сразу. Она подготавливалась, и притом очень долго, разрозненными усилиями десятков и сотен людей. Бэкон и Декарт, Лаплас и Лавуазье, Кювье и Биша – ее духовные отцы, деды и прадеды. Изучая природу, они постепенно приучали человека к мысли, что в окружающем его мироздании нет ничего случайного, произвольного, что все совершается по известным непреложным законам – безразлично, возьмем ли мы движение планет, или развитие органов какого-нибудь животного, или соединение химических элементов. Но после их трудов оставалась еще крупная и сложная задача – одухотворить той же самой идеей изучение человека и его историю, показать, что и здесь случай и произвол не играют никакой роли, и приступить к человечеству как к «естественному явлению».

Кажется, нет мысли, которая давалась бы с таким трудом людскому пониманию, как эта. Предрассудки веков и тысячелетий должны были восстать против нее во всеоружии сво-

их седин. Возмущалась гордость человека, возмущалась его слабость, от которой, по-видимому, вместе с иллюзией собственного величия отнималось последнее и самое сильное утешение. Он привык считать себя центром мироздания и чем-то особенным, исключительным, перворазрядным. Видя вокруг себя постоянный процесс смерти и рождения, видя, как равнодушно относится природа к гибели живых существ вообще, как гибнут мириады цветов и насекомых после первого ночного мороза или как безжалостно ломает буря молодые побеги деревьев, он, пораженный ужасом и слушаясь своей гордости, заносил себя в совершенно особую категорию живых существ и, провозгласив свою волю свободной, уничтожил все нити, связывающие его жизнь с жизнью остальной природы.

«Для воды, которая не может не закипеть при 80° тепла, для свечи, которая не может не погаснуть в углекислоте, для дерева, которое не может не расти кверху, – есть свои законы. Для него, для человека, венца создания, нет законов. Он выше их, он вне их. У него – свободная воля, и эта свободная воля поступает по-своему, независимо от обстоятельств, мотивов, расчета, ничему не подчиняясь, не зная себе господина».

Эти мысли заключали в себе неистощимый источник бодрости и душевной энергии. Небольшая, но полная значения фраза «я хочу» стала для человека таинственным, сказочным талисманом, перед которым отворялись все запертые

двери. Могущество времени, пространства, обстоятельств исчезали, и стены тюрьмы рушились перед свободной, независимой волей, не подчиненной ни времени, ни пространству, ни обстоятельствам. Ежедневный опыт, опыт действительности, не научал ничему, не изменял ничего. Он только скользил по поверхности человеческой мысли, в глубине которой таилась гордая уверенность в своем всемогуществе.

Расстаться с такими идеями, войти в цепь остальных живых существ, признать над собой полную и безусловную власть климата, пищи, рельефа поверхности, законов истории было слишком мучительным или казалось таким, на первый взгляд по крайней мере. Мысль о свободной воле давала не только утешение, она награждала человека сознанием собственной силы, без чего сама жизнь была бы слишком скучной, утомительной, ничтожной. И, несмотря на разрозненные, хотя и часто раздающиеся голоса деятелей науки, люди крепко, упорно держались идей, бывших для них источником живой воды. Пускай Коперник доказывает, что планеты движутся с определенной скоростью по известным орбитам, – то планеты; пусть Ньютон дает свой закон тяготения – то закон для тел, для материи; пусть Кювье говорит, что организм животного – точный отпечаток его пищи и обстановки, – то животное. Воля человека сама в себе носит источник деятельности, она определяется сама собой.

XVIII век, в лице Монтескье, Вольтера, энциклопедистов, стал подкапываться под мысли, питавшие человеческую гор-

дось. Он действовал в этом направлении смело, дерзко, подчас грубо, но всегда односторонне. В глазах Кондильяка человек был не больше (!) чем одушевленная статуя; в глазах Монтескье общие причины истории значили ничуть не меньше, чем разум людей, и т. д. Историческая роль таких воззрений заключалась в том, что после них оказалось уже возможным приступить к изучению человека, его прошлого и настоящего, без всяких предвзятых мыслей, совершенно отбросив идею о его обособленности от остальной природы. Деятнадцатое столетие попыталось осуществить эту задачу, и в рассматриваемый нами период (шестидесятые годы) принципы естествознания совершенно подчинили себе изучение человека. Чтобы разъяснить, в чем тут суть, приведу известные слова Дарвина, сказанные по прочтении им трактатов Канта о нравственности: «Я прочел с большим удовольствием „Grundlegung“ Канта. Мне было интересно видеть, как различно думают два человека об одном и том же предмете. Хотя я хорошо знаю, насколько дерзко ставить меня рядом с Кантом, но мне хочется обратить внимание на то, что *Кант, великий философ, наблюдал исключительно свой собственный дух, тогда как я – плохой философ – старался путем наблюдения обезьян и дикарей найти решение того же вопроса*». Ирония, пронизывающая эти строки, очень характерна.

Чем было вызвано это невиданное до той поры торжество естественных наук, объяснить мы не беремся, к тому же та-

кая задача завела бы нас слишком далеко. История умственного движения XIX века разработана так мало, что невозможно пока установить органическую связь между отдельными эпохами. Ограничимся пока тем, что укажем на факт несомненный и очевидный. Был на самом деле период, когда принципы естествознания под формой положительной философии Конта, синтетической философии Спенсера, доктрин Милля, исторических взглядов Бокля, учения Дарвина о нравственности, системы Фейербаха точно какое-нибудь поветрие распространялись из страны в страну.

Наша родина не избежала общеевропейской участи. Почти в то же время, как Бокль издавал свою «Историю цивилизации», Дарвин подготавливал к печати «Происхождение видов», Спенсер работал над последними главами «Основных начал» («First Principles»), наша журналистика была переполнена статьями о Мошотте и Бюхнере, а естествознанию воспевались красноречивые панегирики. Тогда писали: «Не знаю как другие, а я радуюсь этому увяданию нашей беллетристики и вижу здесь очень хорошие симптомы для будущей судьбы нашего умственного развития». Эта судьба «заключается в изучении природы и в изучении человека как последнего звена длинной цепи органических существ». Нам остается, следовательно, идти по дороге, проложенной европейцами, «ибо мыслящие европейцы собрали и привели в порядок необозримую грудку фактов, относящихся ко всем отраслям естествознания; в настоящее время история

и политическая экономия обращаются к изучению природы и постоянно очищаются от примеси тех фраз, гипотез и так называемых законов, которые не имеют для себя основания в видимых и осязаемых свойствах предметов. Умозрительная философия скончалась вместе с Гегелем, и приемы опытных наук проникли и продолжают проникать до сих пор во все отрасли человеческого мышления. Отрешаясь от школьных фантазий, наука в высшем и всеобъемлющем значении этого слова получает, наконец, в мире свое полное право гражданства; она формирует не специального исследователя, а человека; она закаляет ум, она приучает его действовать этим умом во всех обстоятельствах повседневной жизни; она помогает людям, подобным Лопухову, разрешать посредством строгого анализа все запутанные и щекотливые вопросы, которые прежде решались наудачу слепыми движениями чувства; она входит в кровь человека и перерабатывает его темперамент; она создает величайших поэтов – тех людей, у которых живая мысль проникнута насквозь горячей струей чувства, тех людей, которые способны дрожать и плакать от восторга и созерцания великой истины, тех людей, которые дышат одной жизнью с природой и человечеством».

Нечего и говорить, что этот дифирамб науке вырвался из-под пера Д. И. Писарева, самого чуткого и талантливого выразителя настроения своей эпохи. Какую же науку имеет он в виду? Вот его подлинные слова: «Скромное (то есть истинное) изучение началось настоящим образом с прошедшего

столетия, с тех пор, как Лавуазье создал химический анализ; когда оно началось, метафизика смотрела на него покровительственным оком. А где теперь метафизика? И кто ее тихим манером отправил в архив? И где теперь та наука, которая не подольщалась к естествознанию и не отчаивалась бы в своем существовании, если естествознание не оказывает ей покровительства?» (Сочинения, т. III, с. 272–273).

Очевидно, что при таком настроении книга Бокля, где история не только прикоснулась к естествознанию, а прямо оперлась на него, пришлась как раз ко двору в ту, такую близкую и вместе с тем такую далекую эпоху. На самом деле, Уоллес свидетельствует: «...в России Бокль пользуется еще большей славой, чем у себя на родине. Многие считают его величайшим гением эпохи. Мне ни разу не приходилось иметь серьезного разговора с интеллигентными людьми, в котором не упоминалась бы книга Бокля и не делались бы ссылки на него как на безусловный авторитет».

Великая психологическая истина выступает перед нами: дух времени подчиняет и даже поработочает себе умы самого различного склада и самых различных стремлений. Вера в точную науку и во всемогущество отношений и обстоятельств, борьба с теорией свободной воли и признание законсообразности за нравственной и исторической деятельностью человека – вот идеи, которые одинаково проходят красной нитью и через статьи наших журналов 60-х годов, и «Историю цивилизации» Бокля.

Что же дал человечеству этот период торжествующего естествознания в области философии истории? Из дальнейшего повествования мы узнаем ответ на этот вопрос.

Глава I. Детство, отрочество и юность Бокля

Жизнь Бокля лишена всякого внешнего, показного драматизма. В ней нет ни неожиданных происшествий, ни борьбы с обстоятельствами, ни серьезных неудач. Вся она может быть вытянута в одну линию, и проследить ее от начала до конца нетрудно. *Одна* страсть, одна обстановка, одно настроение, одна книга – таково резюме жизни и деятельности великого английского мыслителя, чье имя было когда-то (лет 25–30 тому назад) таким родным и близким всякому русско-образованному человеку.

Генри Томас Бокль родился 22 ноября 1821 года в местечке Ли графства Кент. Его отец, Томас Генри Бокль, был довольно состоятельным торговцем лондонского Сити, хотя с английской точки зрения его состояние, не превышавшее полумиллиона рублей, представлялось, в сущности, очень скромным. Мать Бокля, мистрис Джен, вышла замуж в очень молодых годах и, кроме сына, будущего автора «Истории цивилизации», произвела на свет еще двух дочерей.

Единственный сын и вероятный преемник отцовского дела, маленький Бокль пользовался в доме завидной полной свободой. Всюду, начиная с чердака и кончая кухней, он был признанным господином и хозяином, и только на комнаты

отца и матери не простиралась его власть: туда он не смел войти без спроса, а если и входил, то не имел права предаваться своему излюбленному занятию – переворачивать всё вверх дном. Несмотря на слабый и даже хрупкий организм, он отличался в детстве большой шаловливостью, но и в шаловливости проявлялась уже своеобразная наивная рассудочность его натуры. Обыкновенно, просидев два-три часа за рассматриванием картинок, а впоследствии за чтением своих излюбленных арабских сказок, маленький Бокль вставал с места, потягивался и говорил: «Теперь можно и пошалить». Немедленно начиналось вавилонское столпотворение. Мебель сдвигалась в кучу или переворачивалась ножками кверху, сестры в ужасе убегали к себе в спальню, а юный буян, нарядившись в какой-нибудь фантастический костюм из шали или скатерти, отправлялся на кухню и здесь, полный отваги, вступал в бой с дочерью кухарки или же, в случае особенно благодушного настроения, рассказывал ей только что прочитанную сказку, фигурируя в ней, разумеется, в роли героя. Когда его останавливали, он неизменно отвечал: «Я знаю, что это нехорошо, но маленькому мальчику все можно». Нашалившись, он шел к матери и, усевшись на скамеечке у ее ног, просил почитать ему из Священного Писания, – просьба, которая всегда исполнялась очень охотно, так как мать его была женщиной в высшей степени религиозной. Боклю не было еще и десяти лет, когда его отдали в школу, – одну из тех бесчисленных частных школ, которые до последне-

го времени почти исключительно ведали образованием английского юношества. Но подвергать своего сына всей строгости школьной федулы¹ отец не хотел и поставил непременным условием, чтобы маленький Бокль учился только тому, чему сам пожелает, а главное – чтобы его никогда не секли и не били. Как ни исключительны были такие условия, – особенно последнее, так как в первой половине нынешнего столетия воспитание без розог представлялось английским педагогам чем-то вроде питания воздухом, – директор школы согласился, и Бокль стал ходить на уроки. Глубоко проникнутый убеждением, что «маленькому мальчику все можно», он шалил и дрался с товарищами и занимался только тогда, когда на него находило настроение. Однако это не мешало ему учиться лучше других. Уже в эти годы проявились его исключительная феноменальная память и быстрая сообразительность. Стоило ему два-три раза услышать латинские или французские стихи, как он уже знал их наизусть, о терминах же географии или истории нечего и говорить, он схватывал их на лету и не забывал уже никогда. Особенно заинтересовался он математикой – не тем, однако, ее отделом, который преподавали ему как маленькому, а курсом старшего класса – именно геометрией. Постоянно видя на доске чертежи и фигуры, он стал вглядываться в них, соображать и однажды просто поразил учителя, задав ему вопрос по поводу одной сложной геометрической теоремы. Когда убедились, что это

---

¹ Розга (*лат.*). Здесь: гнетущий и бдительный надзор.

не случайность, Боклю позволили заниматься математикой со старшими товарищами, что и было для него единственным удовольствием в дни школьной жизни.

В школе он оставался очень недолго. Она тяготила его, ежедневно отнимала целые часы, и он стал думать, как бы поскорее отделаться от нее совсем. Случай не заставил себя ждать. Однажды на публичном испытании Бокль получил первую награду по математике и явился домой в лавровом венке, которым награждались в те времена «преуспевающие». Увидя сына в наряде триумфатора, отец спросил его, чего он хочет, и обещал исполнить любую его просьбу. Бокль отвечал, что он хочет только одного: не ходить более в школу. Отец позволил, и мальчик запрыгал от радости.

В это время ему было всего тринадцать лет. Сведения, вынесенные им из школы, годились только для того, чтобы поражать ими прислугу, перед которой Бокль очень любил являться во всем блеске своей образованности. Для большего эффекта он, забравшись в кухню, становился обычно на стол и с пафосом читал наизусть отрывки из Вергилия или Овидия, немедленно переводя их, фразу за фразой, на французский язык. Но до систематических сведений мальчику не было решительно никакого дела. Он весь отдался тому занятию, которое впоследствии стало главным и первенствующим в его жизни, – именно чтению. «Тысяча и одна ночь», «Дон Кихот», «Робинзон Крузо», а скоро и Шекспир стали его излюбленными книгами, за которыми он просижи-

вал дни и ночи. «Для юноши от пятнадцати до восемнадцати или двадцати лет, – говорил он впоследствии, – нельзя найти лучшего чтения, чем драмы Шекспира, и не те сокращенные обезображенные драмы, которые издаются ad usum scholarum (для школьного употребления), а такие, какими они вышли из-под пера великого поэта. Нечего бояться, что Шекспир труден для понимания юношества. *Он слишком велик, чтобы быть трудным, слишком человек, чтобы быть непонятным*».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.